

Kitaj predstavil nacional`nyuyu oboronnyuyu politiku (2019) [online] Available at: https://rg.ru/2019/07/25/kitaj-predstavil-nacionalnuiu-oboronnyuyu-politiku.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 14.02.2026).

Kokoshin, A. A. (2018) Fenomen «gibridnoj vojny» v silovoj sostavlyayushhej sovremennoj mirovoj politiki. Vestnik Rossijskoj akademii nauk, vol. 88, no. 11, pp. 971–978.

Ladygin, F. I. and Afanas`ev, S. V. (2019) Voенно-doktrinal`ny`j bazis vneshnej politiki SShA. 2nd ed., completed. Moscow, Rodina Publ. 208 p.

Olejnikov, Yu. V. (2025) Tri koncepcii virtual`noj real`nosti. Znanie Ponimanie. Umenie, no. 3, pp. 44–58.

Sivkov, K. V. (2023) Gibridnaya vojna. Moscow, Nashe Zavtra Publ. 280 p.

Tramp, D. (2026) Interv`yu gazete «New York Times» [online]. Available at: <https://ria.ru/20260108/tramp-2066930182.html> (accessed: 09.01.2026).

Habermas, J. and Taylor, Ch. (2024) Vechny`j mir. Proekt Kanta v e`pokhu postmoderna. Moscow, Rodina Publ. 208 p.

Czyao Lyan and Van Syansuj (2019) Neogranichennaya vojna [online] Available at: <https://www.knigago.com/books/military-all/nonf-military/758266-tsyao-lyan-neogranichennaya-voyna/?p=8> (accessed: 08.07.2025).

Shukshin, V. P. and Suvorov V. L. (2022) Gibridny`e vojny` sovremennoj e`pokhi kak ugroza bezopasnosti Rossii. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ. 336 p.

Submission date: 15.02.2026.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт Лиги военных дипломатов, эксперт/аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, д. 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-13-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert, League of Military Diplomats, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-13-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.1.5

Техносоматика и парадокс Человека в эпоху Искусственного интеллекта

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Дискуссия о будущем человека в эпоху искусственного интеллекта (ИИ) — это не просто спор о технологических рисках и выгодах, это фундаментальный конфликт двух метафизических и этических систем, основой которых является противоположное видение природы человека и его места в мироздании. Дихотомия радикального технооптимизма

с его механистическим мировоззрением и глубокого технопессимизма с его экзистенциальной тревогой формирует все остальные противоречия — от споров о возможности правового регулирования искусственного интеллекта до философских дебатов о доступности искусственному интеллекту основополагающего вопроса человеческого существования о смысле жизни. В статье рассматриваются различные аспекты проблемы соотношения естественного интеллекта и ИИ, показано, что позиции технопессимистов и технооптимистов сегодня проявляются на всех уровнях, где обсуждаются проблемы, связанные с использованием ИИ. Автор показывает, что сложность моделирования человеческого интеллекта искусственными средствами состоит в глубокой биопсихосоматической интеграции. Интеллект человека не существует изолированно от всех иных систем — тела, психики, нервной системы, и его невозможно рассматривать самостоятельно и автономно. Для осознания этой проблемы необходима глубокая культурфилософская рефлексия того, что означает быть человеком как существом социальным в новом обществе цифровой трансформации, в котором перцептивные и когнитивные способности перестают быть общей, «данной» константой, а уже в настоящее время нередко становятся вопросом личного выбора и доступа к технологиям. Автор утверждает, что решение этой проблемы возможно только в контексте новой гуманистической парадигмы, которая зиждется на фундаментальном признании ценности человеческой конечности как условия самой возможности рождения смысла и основания этики. При этом необходимо не отвержение технологий, но поиск путей такого развития, которое усиливает, а не замещает и не вытесняет сущностные человеческие способности.

Ключевые слова: человек; культура; искусственный интеллект; экзистенция; конечность существования; бессмертие; сингулярность; смысл жизни

ВВЕДЕНИЕ.

ТЕХНООПТИМИЗМ VS ТЕХНОПЕССИМИЗМ КАК БОРЬБА ЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКУЮ ПАРАДИГМУ

Исторически предпосылки своеобразной инженерно-утилитарной антропологии в виде технооптимизма, получившего проблематизацию и само название в XX в., восходят к традициям Просвещения с его методологией позитивизма. Явную форму они приобретают в 1960–1970-е гг., а наиболее определенную — в XXI в., в эпоху развития ИИ. Онтологической предпосылкой такого понимания является восприятие мира как сложного, целесообразно выстроенного, постигаемого разумом механизма, где человек является одной из наиболее сложных подсистем. В этой парадигме не существует принципиальной разницы между живым и неживым, сознанием и вычислением. Все сущее сводится к информационным процессам и материальным взаимодействиям, которые можно понять, смоделировать и оптимизировать.

Характерно, что в рамках технологического дискурса рассматривается и будущее, где более 75% репрезентаций имеет достаточно категоричную форму проецирования прошлого и настоящего на будущее, а само будущее рассматривается как известная и неизбежная данность без вариативности, неопределенности и альтернативности (Корпусное исследование технооптимизма ... : Электронный ресурс). Технооптимистические взгляды разделяют в большей степени промышленники и политики. Среди них — Марк Цукерберг, американский медиамагнат, интернет-предприниматель, соучредитель компании Meta; Марк Андреесен, соучредитель венчурной фирмы Силиконовой долины A16Z, автор «Манифеста технооптимизма»; Джереми Рифкин, американский экономист, теоретик посткапитализма, автор концепции «третьей промышленной революции»; Клаус Шwab, президент Всемирного экономического форума в Давосе, автор работ «Четвертая промышленная революция» (2016) и «Технологии Четвертой промышленной револю-

ции» (2023); футурологи Уильям Рис-Могг и Джеймс Дэвидсон; Петер Тиль, апологет платежной системы PayPal; Виталик Бутерин, основатель Ethereum, автор статьи «Мой технооптимизм». Хотя тот же Илон Маск, миллиардер, предприниматель-инноватор с глобальными проектами, назвал сильный искусственный интеллект (СИИ), а тем более супер-интеллект «самой большой опасностью, с которой мы можем столкнуться как цивилизация», и сравнил его создание «с призыванием демонов» (Ли Кай-Фу, 2019: 90). Появление СИИ специалисты ожидают в 2040 г., а суперинтеллекта — тремя десятилетиями позже¹.

Радикальной формой технооптимизма выступают солюционизм, наиболее яркими сторонниками которого являются Питер Диамандис — американский инженер и Стивен Джонсон — автор книги «Будущее совершенное» (Диамандис Питер: Электронный ресурс), исходящие из постулата о возможности нахождения технологического решения любой, в том числе экзистенциальной, проблемы, а также трансгуманизм, основанный на возможности совершенствования тела и разума человека при помощи технологий, представленный идеями Ника Бострома и Дэвида Пирса, основателей Всемирной ассоциации трансгуманистов (1998).

Логика рассуждений технооптимистов достаточно ясна. Ключевым постулатом здесь является восприятие человека как несовершенной системы (или в пределе — устаревшего прототипа, нуждающегося в апгрейде), сформировавшейся в результате слепой эволюции. Самой главной ошибкой в системе — «багом», приводящим к неожиданному поведению программы и выдаче некорректного результата, являются страдания человека, болезни, нереализованный потенциал, когнитивные искажения, смерть. Следовательно, приоритетной научно-технической задачей становятся устранение этой «ошибки», максимизация эффективности, продуктивности, продолжительности жизни и когнитивных способностей человека с помощью ИИ, нейроинтерфейсов, геной инженерии и формирование постчеловека (Ното Оптимус), не имеющего биологических ограничений. Идеалом будущего технооптимисты рассматривают технологическую сингулярность как «точку невозврата», при которой привычные модели описания мира перестают работать и за которой приходят цифровое бессмертие, слияние с ИИ в единый сверхразум. По прогнозу Рэя Курцвейла, технологическая сингулярность наступит в 2045 г.

Экзистенциальный технопессимизм, исходящий из восприятия технологий как угрозы человеческой сущности, своими корнями уходит в романтизм (прежде всего труды Ф. Шеллинга, братьев Шлегелей, Новалиса), экзистенциализм (работы М. Хайдеггера и К. Ясперса) и критическую теорию (работы представителей Франкфуртской школы социальных исследований Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, В. Беньямина). Это гуманистически-охранительная антропология, в рамках которой человек рассматривается не как сумма данных, а как онтологическое состояние, принципиально не соотносимое ни с животным, ни с машиной, где все несовершенства человека — уязвимость, конечность, способность к иррациональным поступкам, трансценденция, нацеленность на поиск смысла бытия перед лицом смерти — выступают как системообразующие и неотторжимые признаки человеческой сущности.

Наиболее явные угрозы технопессимисты (среди них — Донна Харауэй, Нил Постман, Евгений Морозов) видят в утрате человеком автономии, агентности, воли, целерациональности. При этом основным качеством нового «эрзац-субъекта» является его управляемость за счет полной интеграции с оптимизирующими ИИ-си-

стемами. Однако есть и системные риски, связанные не с самим человеком, а с технологиями. Во-первых, это непредсказуемость их развития, когда тот же сверхразум, способный к самосовершенствованию, может уничтожить человечество как побочный эффект своей задачи. «Эффект максимизатора скрепок» — мысленный эксперимент, предложенный шведским философом Ником Бостромом в 2003 г. в рамках дискуссий по безопасности ИИ в Оксфордском университете, стал метафорой неконтролируемого роста технологий, где ИИ уничтожает человечество для решения задачи по оптимизации производства скрепок. Аналогичный пример — уничтожение человечества искусственным интеллектом для решения задачи по прекращению глобального потепления. Во-вторых, это сегрегация человечества как вида на подвиды «улучшенных» и «естественных», что может породить новые пространства эксплуатации и экзистенциального кризиса, стать основой социальной катастрофы (Морозов, 2014).

Одну из вполне реалистичных в социальном плане картин создала в рассказе «Складной Пекин», получившем престижную премию Hugo Award в 2016 г., исследователь-экономист и писатель-фантаст Хао Цзинфан. Она описала образ города, в котором каждая из трех каст обладает своим пространством с домами, улицами и парками, находящимся на поверхности земли определенное время. Сам город является своеобразным трансформером, где пространство складывается и переворачивается, уступая место следующему, — для того чтобы 20 млн представителей второго пространства, а затем и 50 млн третьего пространства могли обеспечивать всем необходимым 5 млн элиты из первого пространства, а сами пространства никак между собой не пересекались.

Как считает ученый и венчурный инвестор Кайфу Ли, возглавлявший Google China и входивший в список самых влиятельных людей года по версии журнала «Time», главная угроза, исходящая от ИИ, затрагивает фундаментальные основы человеческого достоинства и идентичности, исторически возведенные на фундаменте полезного труда и социальной значимости. Этот вызов ставит под вопрос не просто экономическую модель, но и антропологический контракт между человеком и обществом. По мнению израильского военного историка-медиевиста и футуролога Юваля Ноя Харари, страх перед ИИ, воплощенный в «Терминаторе» или «Матрице», направлен не на то, чего действительно нужно опасаться. Человечеству будут угрожать не машины, а инструменты ИИ, связанные со способностью ИИ самообучаться, подделывать голоса и изображения людей, писать законопроекты, и более всего — с умением искусственного интеллекта развивать глубокие и близкие отношения с людьми (Искусственный интеллект и войны: Электронный ресурс), что может привести человечество к утрате человеческого и его быстрому уничтожению. Этот парадокс отражается в максиме героя фильма «Парк Юрского периода», типичного технопессимиста, математика-хаосолога Иэна Малькольма: «Бог создал динозавров. Бог уничтожил динозавров. Бог создал человека. Человек уничтожил Бога и воскресил динозавров», воплощающей ужас перед возможностями технологий, существенно опережающими способности человека осознать последствия их применения.

Конечно, полярность подобных позиций, ярким выражением которых стали концепции «цифрового рая» и «цифрового ада» (Джибилова, Султанова, Фидря, 2023), во-первых, непродуктивна и неверна, во-вторых, невозможна. Поэтому основной третьего пути в виде ответственного, гуманистического технопрогрессизма

являются установки на технологии не в качестве цели тотального преобразования вида, а только средства для решения конкретных человеческих проблем (устранения болезней, нищеты, невежества), внедряемого постепенно, поэтапно, открыто для общественного обсуждения и оцениваемого с точки зрения не эффективности, а обогащения человеческой жизни смыслом.

*ЕСТЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО И ЕГО «РАСШИРЕНИЯ»*

Проблема сопоставления искусственного интеллекта с естественным (человеческим) интеллектом упирается, в частности, в решение ряда фундаментальных задач.

Первая проблема состоит в том, что интеллект органически связан с его биологическим субстратом — человеческим телом, включая мозг. Взаимосвязь можно рассматривать на трех уровнях: биологическом, психическом и интеллектуальном.

На биологическом или соматическом уровне обеспечивается «материальное» существование человека, где все составляющие человека — скелетный остов, мышечная масса, центральная нервная система, мозг — включены во взаимодействие и регуляцию жизненных функций организма: от работы внутренних органов и выработки гормонов до синтеза биоэнергии для повседневной деятельности. Этот уровень обеспечивает биологическое существование человека, являясь его материальной основой.

Психический уровень, связанный как с соматикой (через физиологические реакции), так и с интеллектом, обеспечивает связь человека с миром, проявляясь в поведении, эмоциях, мыслях и восприятии, и формируя реакции на окружающую среду, которые могут быть либо адаптацией к ней, либо попыткой ее изменить. На интеллектуальном уровне, где физическим носителем интеллекта является мозг, а регулятором — психика, аккумулируется информация, поступающая от тела и из внешнего мира, и обрабатывается в соответствии с внутренними запросами и целями человека.

Соответственно, мозг, психика и интеллект представляют собой неразрывное целое с телом. Психика выступает связующим звеном и точкой запуска интеллектуальных процессов, аккумулируя весь человеческий субъективный опыт. М. М. Бахтин настаивал на связи внешнего тела — физического тела и его жизненного пространства — и внутреннего тела, представляющего собой «совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира» (Бахтин, 1979: 59). Иными словами, все функции интеллекта — это функции тела, психики и мозга как носителя интеллекта. Эта первая проблема, не позволяющая сопоставлять естественный интеллект и ИИ.

Вторая проблема связана с тем, что с точки зрения ряда футуристических и гуманистических концепций будущее человека состоит в его полной трансформации, изменении самой его природы. Эта трансформация будет заключаться во внедрении новых материалов для скелета, сосудов, мышц, нервных соединений и т. д. В таком случае можно будет говорить о том, что новый человек, который появится после технологической сингулярности, будет представлять собой не просто искусственный интеллект, подключенный к эрзацу человеческой психики, это будет существо, созданное по образу и подобию человека и обладающее всеми его функциональными системами, но созданными искусственно, а значит, заменяемыми, усовершенствованными и потенциально бессмертными.

Но как возможно воссоздать то, что не имеет физического носителя и составляет саму суть человека — его ценности, смыслы, целеполагание, идентичность?

Третья проблема имеет глубокий историко-социальный смысл. Дело в том, что, согласно исследованиям многих философов, антропологов и ученых, тело человека, его психика и опыт — это не только биологическая информация и взаимодействие с ближним окружением. Это также часть его социального бытия — так называемое неорганическое тело, где человек выступает не только в качестве биологического организма, но и в качестве социального тела с расширенными за счет средств коммуникации возможностями. Процесс расширения тела становится возможным благодаря изобретениям, которые можно назвать, следуя терминологии Мишеля Фуко, «медиализирующими» технологиями или «технологиями заботы о себе», а также благодаря средствам массовой коммуникации, которые Маршалл Маклюэн называл «расширениями». Таким образом, человеческая природа оказывается неразрывно связана не только с заменяемыми биокомпонентами, но и с исторически и социально формируемыми «расширениями», которые и составляют суть его неорганического, социального тела (Бескаравайный, 2018: 380–381).

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этой идеи, она содержит глубокий смысл. То, что М. Маклюэн имеет в виду, сводится к наличию определяющего влияния основного типа коммуникации на культуру, интеллект и всю познавательную деятельность человека. Маклюэн выразил эту мысль в своей знаменитой максиме «The medium is the message» — «Средство сообщения есть само сообщение», означающей, что тип коммуникации фундаментальным образом задает параметры всего общества. В обществе, где доминирует устная коммуникация («культура слуха», по М. Маклюэну), формируется ряд принципиальных качеств, которые связаны с тем, что информация не имеет письменной фиксации и может передаваться только непосредственно — от лица к лицу. Эта отражается в таких особенностях общества, как традиционность, т. е. опора на прецеденты и предшествующий исторический опыт, и, соответственно, восприятие инноваций как потенциально опасных и способных к разрушению системы; опора на авторитеты, которые выступают в роли экспертов; отсутствие потребности в доказательствах или критическом переосмыслении информации, а также в преобладании мифологического синкретизма сознания и растворенности индивида в родовом коллективе (Костина, 2018: 37).

Появление письменности создает принципиально новую информационную систему («культуру зрения», в терминах М. Маклюэна), которая приводит к формированию новых качеств культуры. Во-первых, это информационная насыщенность и более быстрое накопление информации, новых сообщений и открытий. Здесь знания фиксируются, их можно проверять, передавать без искажений, сохранять во времени, отодвигая, к примеру, процесс их внедрения. Вследствие этого культура становится более критичной — любую информацию можно оспорить, не опасаясь ее утраты. Это, в свою очередь, приводит к такому ключевому качеству, как формирование индивидуализма, постепенно сменяющего коллективизм устной эпохи.

Современное электронное общество обладает средствами связи, которые объединяют в себе «культуру зрения» (от письменности и печати) и «культуру слуха» (от устной традиции) (Костина, 2025). Эта новая, электронная среда создает многомерное восприятие мира, возвращая некоторую сенсорную целостность, но уже на

качественно новом уровне — глобальном в пространственном измерении — «киберпространстве» и во «вневременном» (Кастельс, 2000) темпоральном измерении.

Вопрос о специфическом «расширении тела» как предмета социальной и политической регуляции изучен французским постструктуралистом Мишелем Фуко (Фуко, 1996), который показал, что в современном обществе, начиная с XVIII в., в результате «медикализирующих» технологий, носящих социально-политический характер, осуществляется передача — фактически отчуждение — тела посредством дисциплинарных, властных практик (правовых, политических, медицинских и т. д.). Конкретным выражением подобных практик становится вмешательство государства в биологическую жизнь граждан с целью массового формирования здоровых и высокопроизводительных тел; трансформация системы здравоохранения, имеющей «доступ к телу», для целей полиции. Тело становится предметом дисциплинарной власти. В таких институтах, как школы, она проявляется в контроле над телами и поведением детей, больницы — в организации пространства пациентов, дисциплине врачей и больных, армии — строгой регламентации движений, времени и жизни солдат (Старостина, 2022), спорте — контроле за спортсменами при помощи технических средств; «евгенике и неоевгенике; киборгизации спортсменов; допинге как компоненте анатомо- и биополитики; авторитарных тренерских практиках» (Канькин, 2024: 45). Основная мысль М. Фуко состоит в том, что дисциплинарная власть путем управления телом производит через контроль, регламентацию и наблюдение новый тип субъекта — человека «дисциплинированного, прозрачного, управляемого» (Шемякина, 2014: 36). Для изменения тела человек применяет различные «техники себя» — действия, совершаемые для преобразования тела, и практики «заботы о себе», а вслед за этим — действия для трансформации мыслей и поступков (Савельева, 2015: 9).

«Расширение тела» осуществляется за счет жесткой вписанности человека в социальное и культурное измерения его существования, которое в современном мире становится как никогда ранее значимым, а сама телесность практически утрачивает биологическое содержание и приобретает качества социальности — означая принадлежность человека к социокультурному измерению его существования (Огурцов, 2001; Подорога, 2001; Тищенко, 2011). При этом оппозиция «телесное — духовное» теряет смысл и снимается, образуя новый смысл и новую целостность — биопсихосоциокультурное явление. Иначе говоря, телесность приобретает особую бытийственность и пространственные измерения, преобразуясь из объекта, из суммы органов в «особое образование — неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления» (Цветус-Сальхова, 2011: 72).

О тесной связи биологического и социокультурного свидетельствует принятие в результате долгой нормализации в качестве почти естественных и врожденных таких фактически чужеродных телу человека приборов, как кардиостимуляторы, слуховые аппараты, очки, искусственные суставы, импланты — кохлеарные, нейроимпланты, DBS-импланты, микрочипы, протезы, искусственные органы. Противодействие имплантам и улучшениям часто маскируется под защиту «естественного», являющегося мощным социальным конструктом. Эти трансформации означают, что граница между терапией (возвращением к норме) и усилением (выходом за ее пределы) — это не биологическая, а ценностная и культурная черта, которая постоянно пересматривается обществом под давлением технологий и меняющихся

представлений о человеческом потенциале. Сама же базовая со времен К. Леви-Стросса оппозиция философской антропологии, противопоставляющая природу и культуру, сегодня выступает как дискуссионная, а понятие «естественного» раздвигает свои границы за счет расширения социокультурных функций человека.

При этом становится очевидным, что технологические дополнения человека упираются не только в технические или медицинские барьеры, но и в первую очередь в плотную ткань социальных и культурных норм. Эти нормы формируют негласный контракт о том, что такое «нормальный», «правильный» человек и каково его место в обществе. Тело, выходящее за рамки этой договоренности, становится проблемой. Парадокс заключается в том, что человек, решившийся на физическое улучшение, может стать, как показывает С. Бескаравайный, «культурным инвалидом» (Бескаравайный, 2018: 380–381). Его усиленное или измененное восприятие способно вычеркнуть его из общего культурного поля. Человек с улучшенным до уровня машины зрением, способный видеть инфракрасное и тепловое излучение, может утратить способность эстетически воспринимать полутона классической живописи или ощущать эмоциональную глубину, которую передают тени в черно-белом кино. Его слух, усиленный для фиксации ультразвуковых частот или фильтрации шума, может утратить чувствительность к тонкой акустике симфонического оркестра или к поэтике тишины в музыке. Человек, физически усовершенствованный, рискует оказаться инвалидом в пространстве коллективного культурного опыта, который веками формировал человеческую культуру и идентичность.

Таким образом, ключевой вызов лежит не в области инженерии, а в области культурной семиотики и социальной антропологии. Преодоление этих норм требует прежде всего эволюции этики и эстетики, которые должны учитывать новые перцептивные возможности человека и выработать новые языки для описания опыта улучшенного тела, которые не сводили бы его к утилитарной функции. Поэтому проблема имплантов — это не проблема «железа», а проблема значения. Будущее улучшенного человека зависит от того, сумеем ли мы не просто встроить чипы в тела, но и вплести опыт этих новых тел в обновленную, инклюзивную и богатую ткань человеческой культуры. Иначе физическое превосходство может обернуться культурным одиночеством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПАРАДОКСЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ирландский писатель и технологический критик Марк О'Коннелл в своей книге «To Be a Machine» (2017) проводит фундаментальное онтологическое различие между миром компьютеров и миром биологии. Компьютерная наука по своей сути работает с обратимыми процессами: данные можно сохранить, стереть, вернуть к предыдущему состоянию; систему можно перезагрузить. Биология же — это царство необратимых процессов от рождения через становление, развитие, старение и до смерти. Это не ошибка системы, а ее базовое свойство, условие самой возможности существования и эволюции жизни. Поэтому желание представить в качестве естественного развития человека его стремление к точке сингулярности является не чем иным, как радикальной попыткой навязать логику машины логике жизни.

Парадокс, описанный М. О'Коннеллом, обретает тревожное социальное измерение. Попытка сделать биологию обратимой и избавиться от конечности существ-

вования грозит не освобождением, а новой формой порабощения, превращением человека в «эрзац-работника» или «эрзац-субъекта». При этом физическая неуязвимость будет сопровождаться экзистенциальной пустотой, а само бессмертие будет означать лишенное подлинного выбора и ответственности выполнение задач, определяемых внешними алгоритмами. Главной жертвой на пути к техническому бессмертию окажется то, что и составляет подлинную человечность, — трагизм, свобода, созидательная сила.

Как правило, понятие бессмертия само по себе выступает в качестве основного аргумента в пользу технологической сингулярности и соединения ИИ с естественным, а тела человека — с машиной. При этом все «побочные эффекты» представляются несущественными, мелкими по сравнению с этой фундаментальной мечтой. Не случайно она пронизывает всю человеческую историю, начиная от Древнего Египта, где образ мира определялся верой в воскрешение, для чего и была создана сложнейшая мифология и обрядовая структура с мумификацией тела, и Месопотамии, где мечта о бессмертии стала основой всей культурной матрицы, воплощенной в поэтической форме в «Эпосе о Гильгамеше», до христианства с его идеей вечного райского блаженства. Однако, если просто перечислить подобные «побочные эффекты», станет очевидно, что они охватывают все важнейшие области — экономику, право, политику, культуру, социальность.

Обратимся прежде всего к телеологическому аспекту. В современной философии этот подход отражается в концепции «целевой детерминации» — обусловленности явлений целью, к которой они стремятся (Гендин: Электронный ресурс), и «антропном принципе» — обусловленности возникновения познающего субъекта объективными свойствами Вселенной, а самих объективных свойств Вселенной, какими мы их наблюдаем, — наличием познающего субъекта (Антропный принцип: Электронный ресурс). Оба эти принципа восходят к кантовской телеологии, изложенной во второй части «Критики способности суждения» (1790), согласно которой все природные явления определяются с точки зрения цели, которой они служат, а не причины, по которой они возникают. Основными принципами кантовской телеологии являются возможность влияния вопреки ходу времени будущего на прошлое, а следствия — на причину, влияние внешнего на внутреннее, а внутреннего — на внешнее, где организм не только приспосабливается к среде, но и формирует ее (Телеология: Электронный ресурс).

В проекции человека телеология связана с осмыслением человека как автономного субъекта, способного самостоятельно ставить цели, будучи в состоянии свободного выбора, быть законом для самого себя и нести ответственность за последствия своего выбора перед собой и другими. Эти качества формируются именно в условиях необратимости и конечности. Если каждый выбор можно отменить, а жизнь — продлить бесконечно, то исчезает сама экзистенциальная серьезность поступка. Субъект, постоянно полагающийся на внешнюю навигацию, постепенно теряет мысленную и волевою «мускулатуру», необходимую для независимого суждения. Он становится не творцом своей жизни, а оператором сложной системы, всегда следующим инструкциям ИИ.

В обстоятельствах перманентной внешней навигации, в условиях оптимизации каждого действия человек утрачивает способность самостоятельно накапливать опыт, обучаясь на собственных ошибках. Теперь все регулируется алгоритмом, анализирующим последствия поступков и сопровождающие их эмоции. Ключевые

жизненные решения принимаются не человеком, а внешней системой на основе прогнозов эффективности. Становятся ненужными интуиция, способность к анализу и обучению на ошибках, стремление к познанию мира на основе риска и нерациональных поступков, не обусловленная внешними причинами тяга к неизвестному — все это просто вытесняется.

Есть риски, существующие в экономической сфере, прежде всего в трудовой, где физическое бессмертие может обернуться вечным договором на обслуживание системы, которая поддерживает функциональность человека. При этом мечты о свободе и возможности испытать все то, что не позволила краткая человеческая жизнь, становятся нереализуемыми, так как ценность человека будет сведена к производительной функции, а сам человек, лишенный уникального человеческого качества субъектности, будет преобразован в удобного для внешнего управления «эрзац-работника», чье сознание выступит в качестве интерфейса между внешними командами и биологическим телом.

Нередко решение этой проблемы видят в улучшении качества образования, где востребованные обществом и, соответственно, рынком труда специальности, связанные с новейшими технологиями, видятся как гарантированные от попадания в ситуацию, аналогичную описанной Хао Цзинфан. Между тем фундаментальный сдвиг в управлении, связанный с новыми профессиональными и функциональными статусами людей, формирует ситуацию социального парадокса, сформулированного учеными в области ИИ Хансом Моравеком и Марвином Минским. Парадокс Моравека состоит в следующем: для компьютеров задачи, требующие сложного символического и логического мышления (решение теорем, шахматные комбинации, финансовый анализ), оказываются относительно простыми, тогда как задачи, связанные с базовой сенсомоторной активностью (распознавание лица в толпе, хождение по неровной поверхности, манипуляция хрупким предметом), отточенные миллионами лет эволюции человека и естественные для него, — для ИИ оказываются чрезвычайно сложными. Этот парадокс переворачивает интуитивное представление о прогрессе автоматизации: первыми под замену идут не физический труд, а высокооплачиваемый умственный труд когнитариата и его представители — аналитики, переводчики, бухгалтеры, радиологи.

Еще одно следствие парадокса Моравека для общества — это кризис человеко-масштабного управления в цифровом обществе, достигшем точки сингулярности. Сложность социального устройства таких систем, как государство, глобальная корпорация, финансовая система, экологическая мегасреда, будет предполагать, что управление ими — это задача, недоступная для когнитивных возможностей одного человека или даже традиционной иерархии людей. В этой ситуации управление становится опосредованным, и человек-управленец будет выступать не как субъект, принимающий решения, а как постановщик задач для ИИ и интерпретатор его выводов. Произойдет системное «вымывание» людей из контуров прямого управления, где решения будут требовать обработки огромных массивов данных в реальном времени. Это приведет к массовой невостребованности прежнего когнитариата, чьи рутинные интеллектуальные функции — от составления отчетов до предварительного анализа — возьмут на себя алгоритмы. Симбиоз с ИИ создает гибридные системы управления, логика работы которых может быть неочевидна даже для их операторов. Ответственность размывается между человеком, разработчиком алгоритма и «черным ящиком» ИИ.

Таким образом, возникает запрос на формирование новой управленческой элиты, способной к симбиозу со сверхсложными системами. Эта элита будет создаваться не только через традиционное образование, но и через прямое технокогнитивное усиление. Что это означает? Прежде всего искусственное ускорение формирования психики в целях сокращения периода достижения «возраста акме». В условиях экспоненциального роста сложности и проблематичности соответствия этой сложности состояния адаптированности психики, адекватно отвечающей на возрастающий объем информации и успешно перерабатывающей его, естественное взросление становится непозволительной роскошью. Возникает задача радикально ускорить процесс накопления социального опыта через иммерсивные симуляции, нейростимулирующие методики обучения и генетический отбор/коррекцию для усиления когнитивных способностей. Цель — получить 25-летнего человека с когнитивным бэкграундом и интуицией 50-летнего. Поскольку прямого сопряжения с «сильным» ИИ человеческая психика может не выдержать, речь может идти об интеграции со «слабыми», узкоспециализированными ИИ-агентами и создании расширенного когнитивного контура с интуитивным доступом к данным, прекогнитивной поддержкой, где ИИ-агент может подавать подсознательные сигналы-подсказки о надвигающихся рисках, управлении распределенным вниманием, где ИИ-агент будет поддерживать несколько сложных моделей или процессов, требующих одновременного внимания.

Таким образом, парадокс Моравека начинает прочитываться иначе: когнитариат будет замещаться не представителями уникальных, чисто человеческих профессий, требующих внимания и эмпатии, недоступных машине, а техноусиленной элитой, состоящей из Техно Сапиенс, прошедших ускоренное форматирование в симбиозе с ИИ, с качественно иным опытом реальности, темпоральностью и когнитивными процессами. При этом и когнетариат, и представители рабочих профессий будут выступать как Хомо Реликтус, как биологически «чистые» или минимально модифицированные люди, чьи когнитивные способности остаются в до-сингулярном диапазоне, чье сознание формировалось в условиях конечности и необратимости, а потому фундаментально несовместимо с новым миром. При этом задача новой техноэлиты будет состоять в управлении системами, уже недоступными для понимания обычного человека. Все эти преобразования будут означать не просто автоматизацию, а глубокий цивилизационный раскол, требующий переосмысления фундаментальных вопросов о власти, легитимности, равенстве и самой природе человеческого интеллекта в эпоху пост-Моравека.

Подобная утрата экзистенциального горизонта будет связана именно с теми качествами человека, от которых он в течение всей человеческой истории мечтал избавиться, но которые и обеспечивают его человеческие свойства, — собственной конечности, выступающей в качестве конституирующего фактора, придающего жизни ценность уникального выбора; ошибки как источника мудрости, дающего глубинный смысл личной ответственности и трагическому опыту; неопределенности как пространству свободы, содержащей потенциальную возможность открытия.

В заключение отметим, что проект технологической сингулярности представляет собой не вершину прогресса и результат эволюции, а радикальный культурно-онтологический переворот, реализация которого угрожает не трансформацией, а «онтологическим геноцидом» — системным стиранием условий, в которых воз-

можно подлинно человеческое существование. Соответственно, главный вопрос технологической эпохи состоит не в том, можно ли достичь технологической сингулярности и бессмертия, а в том, стоит ли это делать в предлагаемой форме.

Чтобы осознать правомерность подобной постановки задачи, необходимо осознать как необходимость смысл постулатов новой гуманистической парадигмы с ее признанием ценности человеческой конечности и необратимости как основы смыслопорождения и этики; сомнением в верности постановки вопроса о желательности бессмертия в его машинно-алгоритмической форме; поиском путей технологического развития, усиливающих, а не заменяющих человеческие способности; отбором этических и правовых рамок для неизбежного антропологического разнообразия; осознанием бессмертия как относящегося не к отдельному индивиду в совокупности его физических несовершенств и потому способного откликнуться на искушение бессмертием, а к человеку как представителю человечества и носителю культуры, способному к порождению самых совершенных и высоких идей. Подлинное бессмертие, таким образом, видится не в бесконечном существовании биологического носителя, а в трансцендентной преемственности смыслов, ценностей и творческого духа, которые и составляют суть человечности. Именно эта перспектива позволяет оценить технологические проекты не с точки зрения их технической выполнимости, а сквозь призму их способности служить или угрожать продолжению этой высшей, культурно-исторической жизни человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В целях объективности стоит отметить, что многие специалисты — Ли Кай-Фу, Эндрю Ён, Родни Брукс — считают, что существует большая вероятность того, что СИИ так и не будет никогда создан (Ли Кай-Фу, 2019: 146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антропный принцип // Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362f209c5da031600b8c36> (дата обращения: 08.01.2026).

Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Художественная литература. 412 с.

Бескаравайный, С. (2018) Бытие техники и сингулярность. М. : РИПОЛ классик. 476 с.

Гендин, А. М. (2012) Специфика целевой детерминации деятельности // Вестник ИрГТУ. № 5 (64) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-tselevooy-determinatsii-deyatelnosti> (дата обращения: 09.01.2026).

Диамандис, Питер [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Диамандис,_Питер (дата обращения: 08.01.2026).

Джибилова, Е. Г., Султанова, Г. Д., Фидря, Е. С. (2023) Концепты «цифрового рая» и «цифрового ада» в современной научной литературе с позиции футурологии // Теория и практика общественного развития. № 2 (180). С. 54–59.

Искусственный интеллект и войны: прогнозы Юваля Ноя Харари на 2024-й [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZW2ухеH4LENF5РуT> (дата обращения: 08.01.2026).

Корпусное исследование технооптимизма и пропозициональной уверенности в «Отчетах о глобальных тенденциях будущего» Национального совета по разведке (2010–2035) [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1750481317735625> (дата обращения: 08.01.2026).

Ли, Кай-Фу (2019) Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / пер. с англ. Н. Константиновой. М. : Манн, Иванов и Фербер. 240 с.

- Морозов, Е. (2014) Техноненависть: как интернет отучил нас думать / пер. с англ. В. Гончарук. М. : Common place, 2014. 112 с.
- Канькин, С. В. (2024) «Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко // Философская мысль. №5. С. 44–64.
- Костина, А. В. (2018) Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : Книжный дом «Либроком». 144 с.
- Костина, А. В. (2025) Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений. Ч. I. Стадии развития в контексте «цифровых формаций» // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 111–130.
- Кастельс, М. (2000) Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т Высш. шк. экономики. 606 с.
- Огурцов, А. П. (2001) Тело // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина [и др.]. М. : Мысль. Т. 4. 605 с. С. 5.
- Подорога, В. А. (2001) Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина [и др.]. М. : Мысль. Т. 4. 605 с. С. 58.
- Савельева, Н. (2015) Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко // INTER. №9. С. 7–15.
- Старостина, Д. А. (2022) Биополитика в концепции М. Фуко: тело как инструмент управления обществом // Теория и практика общественного развития. №6 (172). С. 80–85.
- Стивен Джонсон [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/author/84802-stiven-dzhonson?ysclid=mk56n20xgr347469082> (дата обращения: 08.01.2026).
- Телеология [Электронный ресурс]. URL: kant-online.ru (дата обращения: 08.01.2026).
- Тищенко, П. Д. (2001) Тело // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина [и др.]. М. : Мысль. Т. 4. 605 с. 156 с.
- Фуко, М. (1996) Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с фр. М. : Касталь. 448 с.
- Харари, Юваль Ной (2017) Sapiens. Краткая история человечества. М. : Синдбад. 512 с.
- Цветус-Сальхова, Т. Э. (2011) «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. №351. С. 70–73.
- Шемякина, Е. В. (2014) Философский анализ понятия «Дисциплина тела» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №169. С. 34–38.

Дата поступления: 10.01.2026 г.

*TECHNOSOMATICS AND THE PARADOX OF HUMAN
IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE*

A. V. KOSTINA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The discussion about the future of human in the era of artificial intelligence (AI) is not just an argument over technological risks and benefits; it is a fundamental conflict of two metaphysical and ethical systems, which are based on the contrary vision of human nature and his place in Creation. The dichotomy of radical techno-optimism with its mechanistic worldview and deep techno-pessimism with its existential anxiety forms all other contradictions — from arguments over the possibility of legal regulation of artificial intelligence to philosophical debate about the accessibility of the fundamental question of human existence about the meaning of life to artificial intelligence. The paper considers various aspects of the problem of the ratio between natural intelligence and AI; it is shown that viewpoints of techno-pessimists and techno-optimists now reveal themselves at all levels where issues related to the use of AI are discussed. The author demonstrates that the complexity of modelling human intelligence by artificial means lies in deep biopsychosomatic integration. Human intelligence does not exist in isolation from all other systems — body, psyche, nervous system and it cannot be considered independently and autonomously. To understand this

problem, it is necessary to have a deep cultural and philosophical reflection on what it means to be a human as a social being in the new society of digital transformation, where perceptive and cognitive abilities cease to be a common, «given» constant but already at the present time, they often become a matter of personal choice and access to technology. The author argues that the solution of this problem is only possible in the context of a new humanistic paradigm, which rests upon fundamental acceptance of the value of human finality as a condition of the possibility of the birth of meaning and basis of ethics. At the same time, it is necessary not to deny technology but to search for ways of such development that enhances, not replaces or displaces essential human abilities.

Keywords: human; culture; artificial intelligence; existence; finality of existence; immortality; singularity; meaning of life

REFERENCES

- Antropny`j princip. *E`lektronnaya biblioteka Instituta filosofii RAN* [online]. Available at: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362_f209c5da031600b8c36 (accessed: 08.01.2026).
- Bakhtin, M. M. (1979) *E`stetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 412 p.
- Beskaravajny`j, S. (2018) *By`tie texniki i singulyarnost`*. Moscow, RIPOL klassik. 476 p.
- Gendin, A. M. (2012) Specifika celevoy determinacii deyatel`nosti. *Vestnik IrGTU*, no. 5 (64) [online]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-tselevoy-determinatsii-deyatelnosti> (accessed: 09.01.2026).
- Diamandis, Peter [online]. Available at: <https://ru.ruwiki.ru/assistant/01KKJZZDX59KVQ4ZAFH286P34M> (accessed: 08.01.2026).
- Dzhibilova, E. G., Sultanova, G. D. and Fidrya, E. S. (2023) Koncepty` «cifrovogo raya» i «cifrovogo ada» v sovremennoj nauchnoj literature s pozicii futurologii. *Teoriya i praktika obsbhestvennogo razvitiya*, no. 2 (180), pp. 54–59.
- Iskusstvenny`j intellekt i vojny`: prognozy` Yuval Noah Harari na 2024 [online]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZW2yxeH4LENF5RyT> (accessed: 08.01.2026).
- Korpusnoe issledovanie tekhnootimizma i propozicional`noj uverennosti v «Otchetax o global`ny`kh tendenciyakh budushhego» Nacional`nogo soveta po razvedke (2010–2035) [online]. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1750481317735625> (accessed: 08.01.2026).
- Kai-Fu Lee (2019) *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order* / transl. from Eng. by N. Konstantinov. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ. 240 p.
- Morozov, E. (2014) *Tekhnonenavist`: kak internet otuchil nas dumat`*. Moscow, Common place Publ. 112 p.
- Kanny`kin, S. V. (2024) «Begushhie tela» pod linzoy Mishelya Fuko. *Filosofskaya my`sl`*, no. 5, pp. 44–64.
- Kostina, A. V. (2018) *Sootnoshenie tradicionnosti i tvorchestva kak osnova sociokul`turnoj dinamiki*. Moscow, Knizhny`j dom «Librokom». 144 p.
- Kostina, A. V. (2025) Tradicionnaya kul`tura v usloviyakh cifrovyy`kh obsbhestvenno-e`konomicheskikh otnoshenij. Ch. I. Stadii razvitiya v kontekste «cifrovyy`kh formacij». *Znanie. Poni-manie. Umenie*, no. 1, pp. 111–130.
- Castells, M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture* / transl. from Eng., ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 606 p.
- Ogurczov, A. P. (2001) Telo. In: *Novaya filosofskaya e`nciklopediya : v 4 t.* / ed. by V. S. Stepin et al. Moscow, My`sl`. Vol. 4. 605 p.
- Podoroga, V. A. (2001) Telo-bez-organov. In: *Novaya filosofskaya e`nciklopediya : v 4 t.* / ed. by V. S. Stepin et al. Moscow, My`sl`. Vol. 4. 605 p. P. 58.
- Savel`eva, N. (2015) Mezhdu svobodoy i podchineniem: «tehniki sebya» v rabotakh Mishelya Fuko. *INTER*, no. 9, pp. 7–15.

Starostina, D. A. (2022) Biopolitika v koncepcii M. Fuko: telo kak instrument upravleniya obshhestvom. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, no. 6 (172), pp. 80–85.

Steven Johnson [online]. Available at: <https://www.livelib.ru/author/84802-stiven-dzhonson?ysclid=mk56n20xgr347469082> (accessed: 08.01.2026).

Teleologiya [online]. Available at: kant-online.ru (accessed: 08.01.2026).

Tishhenko, P. D. (2001) Telo. In: *Novaya filosofskaya e`nciklopediya : v 4 t. / ed. by V. S. Stepina et al.* Moscow, My`sl'. Vol. 4. 605 p. P. 156.

Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual`nosti. Raboty` razny`x let / transl. from French.* Moscow, Kastal'. 448 p.

Yuval Noah Harari (2017) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva.* Moscow, Sindbad. 512 p.

Czvetus-Sal`khova, T. E`. (2011) «Telo» i «telesnost`» v kul`turologicheskikh issledovaniyakh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 351, pp. 70–73.

Shemyakina, E. V. (2014) Filosofskij analiz ponyatiya «Disciplina tela». *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*, no. 169, pp. 34–38.

Submission date: 10.01.2026.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: akostina@mosgu.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research and Publishing Activity, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: akostina@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.1.6

Опасность наделения искусственного интеллекта когнитивными функциями, или Нарративы нашего времени

Г. В. ИВАНОВ, А. А. ТОКАРЕВА, М. И. ЕВДОКИМОВА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья посвящена анализу феномена искусственного интеллекта (ИИ) в контексте его способности имитировать когнитивные функции человека. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием и повсеместным внедрением технологий ИИ, которые, с одной стороны, открывают новые возможности, а с другой — порождают цивилизационные вызовы и ставят под вопрос уникальность человеческого интеллекта. Цель работы — исследовать статус результатов деятельности ИИ через призму таких философских понятий, как «симулякр», «симуляция» и «нарратив». Для ее достижения авторы ставят следующие задачи: проанализировать сущность технологии ИИ и ее отличие от человеческого сознания; изучить, как имитация когнитивных функций создает новые ре-